

зволяет сделать вывод о том, что в 1942 г. эта система, обеспечивавшая промышленные предприятия молодыми рабочими кадрами, способными выпускать не всегда качественную, но стратегически важную для государства военную продукцию, рассматривалась государственно-партийными органами как адекватная главным вызовам времени. Тон практически всех публикаций дружелюбный и даже оптимистический. Ко второй половине 1950-х гг. лучшие времена системы Гострудрезервов остались позади. Это отразилось и на количестве публикаций, посвященных государственным трудовым резервам, и на тоне материалов, освещающих их функционирование. Новые отрасли хозяйства требовали рабочих более высокой квалификации, и еще более высокой – такие стратегические для будущего СССР проекты, как атомный и космический. Отказ от жестко-мобилизационного варианта развития во второй половине 1950-х гг. превращал хронические недостатки системы Гострудрезервов во все более нетерпимые, чем породил все более очевидный властный заказ на открытую критику данной системы и поиск вариантов ее коренного реформирования.

*М. М. Воденников
Курганский государственный университет*

**Судебно-следственные документы по 58-й статье
как исторический источник (на основе материалов
Государственного архива общественно-политической
документации Курганской области)**

После произошедшей в 1990-е гг. так называемой «архивной революции» исследователи получили доступ к огромному массиву ранее не исследованных источников, разнообразных по своему составу и содержанию. Однако, если первая половина «лихих девяностых» ознаменовала достаточно широкие возможности для исследования материалов репрессированных лиц, то вскоре они вновь оказались недоступными. Отсюда и главная проблема работы с данным видом источников – отсутствие единого подхода к изучению. «Сложность работы с архивно-следственными делами и трудность доступа к ним – основные причины не только манипуляций фрагментарными сведениями, но и фальсификаций» – отмечает С. И. Быкова [1]. Ситуация не изменилась и по сей день.

Отсутствие единого метода изучения вновь открывшихся источников привело к тому, что в 1990-х гг. к следственным материалам относились исключительно как к фальсификату, однако уже в начале

2000-х гг. историки убедились, что этот вид источников обладает уникальным информационным потенциалом. Несмотря на это, достоверность следственных дел до сих пор вызывает сомнения.

Изучением судебно-следственных дел (далее – ССД) занимался ряд историков, среди которых можно выделить уже упомянутую С. И. Быкову, а также А. В. Луцишина, С. В. Журавлева, А. Р. Дюкова, А. П. Килина. Они отмечали, что подвергнув следственные документы 1930-х гг. источниковедческой критике, исследователь может обнаружить уникальную информацию, которая отсутствует в других видах источников. Основой для начала производства по делу, а соответственно, и оформления документов служил Уголовный кодекс. Юридической базой выступала печально известная 58-я статья УК РСФСР. Как справедливо указывает В. Н. Караман, «формулировки 58-й статьи были настолько расширены, что позволяли практически любого человека сделать виновным в совершении преступления, предусмотренно-го упомянутой статьей» [2, с. 105].

Законодательное регулирование судебного и следственного процессов в интересующий нас период было предопределено нормами УПК РСФСР. Этим же кодексом регулировались содержание и реквизиты документов, отражавших различные этапы производства по делу.

Следует также различать понятия «следственное дело» и «судебно-следственные документы». Методические рекомендации по изданию судебно-следственных документов дают следующий комментарий на этот счет: «Понятие – следственное дело шире понятия – судебно-следственные документы, так как оно включало также документы личного происхождения (например, письма) и иные документы, содержащие информацию, нужную для расследования дела» [3, с. 15]. В этих же рекомендациях предлагается подробный список документов, которые могут находиться в деле по политическому процессу. Мы же предлагаем остановиться на следующей классификации, основанной на специфике изученных дел:

1) документы о задержании и аресте (постановление об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения, ордер на арест протокол ареста и обыска, квитанции, иногда и справка на арест);

2) документы о ходе следствия (анкета арестованного, протоколы допросов и очных ставок, иногда – собственноручные признательные показания и автобиографии);

3) материалы судебного или внесудебного процесса (протокол предварительного судебного заседания, протокол судебного заседания, приговор, справка об исполнении приговора);

4) материалы, приобщенные к делу (обзорные справки по делам; материалы, изъятые во время обыска; ответы на запросы и переписка

следователя; письма, заявления и обращения подследственного и его родственников в высшие инстанции);

5) документы о реабилитации (письма с просьбой о реабилитации самих репрессированных или их родственников; протоколы допросов бывших следователей и данные о привлечении их к ответственности; ответы в виде справок, архивных выписок на официальные запросы прокурора из архивов и организаций в отношении самого лица и других лиц, проходящих по этому же делу; акты, отражающие ход реабилитации и основанные на выше перечисленных документах).

Данная работа основана на материалах политических процессов, имеющих конфиденциальный характер и скрытых от обычного читателя. При ее подготовке были проанализированы архивные документы. Основными источниками для исследования стали фонды судебно-следственных дел по «контрреволюционным» преступлениям, хранящиеся в Государственном архиве общественно-политической документации Курганской области, в первую очередь протоколы допроса обвиняемых, судебные заключения, показания, данные на допросах сотрудниками НКВД.

Анализ ССД по политическим процессам должен вытекать из их особенностей. Первой из них является разнообразие объема, количества представленной информации. Дело могло содержать как формальное количество документов, необходимых для соблюдения процессуальных норм, так и быть многотомным. Например, дело по обвинению П. Я. Ханжина в участии в нелегальной к/р вредительской организации правых состояло из 13 томов. Для изучения был доступен только один, данные о других отсутствуют [4].

Другой особенностью являлось упрощение форм документов, сокращение затрат на делопроизводственные процедуры. Так, анкета арестованного в период 1932–1933 гг. представляла объемную таблицу (форма 11) с 27-ю пунктами и занимала три страницы [5]. В делах за 1937–1938 гг. использовался уже сокращенный почти вдвое вариант.

Несмотря на установленный нормами УПК перечень документов, на практике они зачастую отсутствовали. Например, в деле по обвинению учителя Кривинской школы Ольховского района П. И. Леметти отсутствовали материалы о ходе судебного заседания, а также анкета арестованного. По существу обвинения данный гражданин был допрошен всего один раз (22 марта 1938 г.), и в этот же день ему было предъявлено обвинение [6]. Это еще одна особенность.

Игнорирование требований своевременности и точности оформления документов – еще одна специфическая черта, которую хотелось бы отметить. Данная особенность прослеживается практически во всех изученных делах, в тех или иных разновидностях документов.

В деле по обвинению учителя А. В. Азяского, его знакомых Е. Г. Венявцева и Ф. И. Жаворонкова протоколы ареста и обыска не заверены ни подписями проводивших обыск, ни подписями понятых [7].

В материалах ССД часто встречаются протоколы допросов, ответы на которые обвиняемый писал сам. Данный факт отражался на объеме таких документов, порождая избыточность некоторых сведений. Часто встречаются и внесенные рукой следователя изменения поверх рукописных показаний допрашиваемого, которые потом входили в окончательный, печатный вариант. К примеру, первоначальный вариант звучал так: «Вопрос построения советской власти совершенно неправильный, правит и руководит СССР одна партия. Правительство состоит из лиц бессменных. Взять, к примеру, генерального секретаря ЦК т. Сталина, он может повернуть один как захочет. И ряд других вопросов политики не правильны, с коими я не согласен» [8]. Поверх этих показаний были внесены от руки исправления: «Вопрос построения советской власти совершенно неправильный, а правит и руководит СССР состоящих из лиц бессменных. Взять, к примеру, генерального секретаря ЦК т. Сталина, он может повернуть один как захочет, и это я считаю правильным. И ряд других вопросов политики не правильны с коими я не согласен» [8]. Как видно из примера, смысл уже совершенно другой.

Документы репрессированных 1930-х гг. являются, в первую очередь, ценнейшим источником для изучения политической культуры. Однако в полной мере информационный потенциал судебно-следственных документов раскрывается после того, как исследователь даст ответ на вопрос: какие темы можно осветить, используя проанализированную информацию?

Документы судебно-следственного дела могут быть использованы при раскрытии следующих тем:

1. Анализ функционирования судебной системы, оценка эффективности правоприменительной практики и законодательства.
2. Правосознание советских граждан 1930-х гг..
3. Имущественное положение советских граждан в 1930-е гг.
4. Хозяйственное состояние региона.
5. Социальная дифференциация общества (путем изучения групп обвиняемых, объединенных по возрастному, гендерному, профессиональному, этническому признакам, конфессиональной принадлежности);
6. Генеалогическое исследование (выявление информационного «пути» человека по материалам ССД, дополнение уже накопленных сведений о человеке);
7. Анализ следственного и судебного делопроизводства.

Самый сложный вопрос, возникающий у исследователя при работе с архивно-следственными документами, – достоверность представленных сведений. В ответе на данный вопрос все историки сходятся в одном – нужно привлекать дополнительные источники, в том числе и документы о реабилитации. Так называемая «методика двойной перепроверки данных» была предложена С. В. Журавлевым и дополнена А. Р. Дюковым [9, с. 202–203; 10, с. 83].

Не стоит и забывать, что «логические рассуждения и доказательства – эти методы должны быть в арсенале как профессионального историка или исследователя, так и следователя» [11, с. 431]. С данным утверждением трудно не согласиться.

---

1. *Быкова С. И.* «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных делах НКВД // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/by4-pr.html> (дата обращения 1.09.2019).

2. *Караман В. Н.* «...Доказательств нет, а посадить надо». Методы репрессивной политики ВКП (б) в 1930-е гг. // Россия и АТР. 2004. С. 105–111.

3. Издание судебно-следственных документов советского периода : методическое пособие. М., 1998.

4. Государственный архив общественно-политической документации Курганской области (ГАОПДКО). Ф. 6905. Оп. 2. Д. 783.

5. ГАОПДКО.Ф. 6905. Оп. 2. Д. 2313.

6. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 7420.

7. ГАОПДКО.Ф. 6905. Оп. 2. Д. 155.

8. ГАОПДКО. Ф. 6905. Оп. 2. Д. 2313. Л. 30, 31, 32, 33.

9. *Журавлев С. В.* Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика / под ред. А. К. Соколова. М., 2004. С. 153–210.

10. *Дюков А. Р.* К вопросу о допустимости использования следственных показаний, полученных органами ОГПУ–НКВД // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 74–84.

11. *Килин А. П.* Судебно-следственные дела как источник по истории частного предпринимательства на Урале в годы НЭПа // Документ. Архив. История. Современность : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию Исторического факультета Уральского федерального университета. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 427–437.